

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра общего литературоведения и журналистики

**«Социальная «игра» и манипуляции в пьесе А.Н. Островского
«Волки и овцы»»**

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА

студентки 5 курса 511 группы

направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Отечественная филология
(Русский язык и литература)»)

Института филологии и журналистики

Ячменевой Дарьи Сергеевны

_____ фамилия, имя, отчество в Р.п.

Научный руководитель

Профессор каф.

Общего литературоведения

И журналистики

_____ К.М. Захаров

Зав. кафедрой

д. филол. н., профессор

_____ В.В. Прозоров

Саратов
2026

Актуальность темы

Творчество Александра Николаевича Островского по праву считается энциклопедией русской жизни XIX столетия. Однако если ранние пьесы драматурга были преимущественно посвящены быту и нравам купечества, то в комедиях 1870х годов, к числу которых принадлежат «Волки и овцы», Островский обращается к более широкому социальному срезу – дворянскопоместной среде, переживающей глубокий кризис в пореформенный период. Именно в этой пьесе особенно отчётливо проявился дар драматурга не просто изображать человеческие типы, но моделировать саму механику социальных отношений, где лицемерие, корысть и борьба за влияние становятся двигателями сюжета.

Актуальность исследования продиктована несколькими взаимосвязанными причинами.

Вопервых, социокультурный резонанс проблем, поднимаемых в пьесе. В современном мире, где информационные войны, корпоративные интриги, политические манипуляции и «фасадная» этика стали повседневной реальностью, обращение к классике позволяет увидеть исторические корни этих явлений. Островский с удивительной прозорливостью показал, как власть и деньги переструктурируют человеческие отношения, превращая их в цепочку хитроумных сделок, где искренность – лишь ещё один тактический приём.

Вовторых, теоретическая неразработанность именно системного взгляда на манипуляцию в данной пьесе. При обилии работ, посвящённых творчеству Островского, «Волки и овцы» чаще анализировались в русле социальной сатиры или психологии характеров, но не как целостная модель социальной игры, подчинённая внутренней логике, смене ролей и строгим правилам, которые диктуются капиталом. Настоящее исследование восполняет этот пробел, используя современный междисциплинарный инструментарий.

Втретьих, театральнопедagogический запрос. Для актёра и режиссёра понимание того, что каждый персонаж пьесы – это «роль в роли», что его речевое поведение и пластика суть элементы маски, открывает новые возможности сценической интерпретации. Это делает работу востребованной не только в филологии, но и в театральной практике.

Вчетвёртых, этическая злободневность. Пьеса ставит вопросы, которые не теряют остроты: где проходит грань между житейской хитростью и откровенным мошенничеством? Как общество легитимирует поведение «волков» и почему «овцы» часто становятся соучастниками собственного

порабощения? В эпоху кризиса доверия эти вопросы звучат особенно актуально.

Таким образом, актуальность работы определяется её научной новизной, социальной значимостью и практическим потенциалом для современной гуманитарной и театральной практики.

1.2. Степень изученности проблемы

Наследие Островского исследовано весьма обстоятельно. Однако в историографии пьесы «Волки и овцы» можно выделить несколько доминирующих подходов, каждый из которых оставляет лакуну для нашего исследования.

Социальноисторический подход (А.И. Журавлева, М.П. Лобанов, Л.М. Лотман). Эти учёные рассматривают пьесу в контексте пореформенной России, отмечая столкновение старого, полуфеодального дворянства с новыми буржуазными дельцами. Они справедливо указывают на точность бытовых зарисовок, но манипуляция трактуется ими как следствие классовой борьбы, а не как автономный механизм.

Моральнофилософский подход (В.Я. Лакшин, Б.Н. Капелюша). Здесь акцент смещается на нравственный выбор героев, на проблему «падения» и «сохранения лица». Манипуляция рассматривается как грех, как нарушение заповедей, но не как технология, имеющая свои законы и этапы.

Поэтологический подход (И.А. Овчинина, Е.Г. Холодов). Учёные анализируют композицию, речевые характеристики, систему образов. Они замечают, что каждый герой говорит на своём языке (Мурзавецкая – церковнославянизмами, Беркутов – деловой лексикой), но эти языковые особенности не связываются в единую стратегию манипулятивного воздействия.

Сравнительный и риторический анализ (Р. Лахманн). Лахманн рассматривает пьесу как сценарий власти, но сосредоточивается на риторических фигурах, оставляя в стороне психологические и коммуникативные аспекты «игры».

Таким образом, несмотря на обширную литературу, комплексное исследование пьесы как системы манипулятивных практик до сих пор не предпринималось. Настоящая работа заполняет эту лакуну.

1.3. Научная новизна

Новизна диссертации заключается в следующем: впервые пьеса «Волки и овцы» анализируется как целостная модель социальной игры, где манипуляция выступает системообразующим фактором, определяющим не

только поступки, но и язык, и ритм драматического действия. Предложена оригинальная типология манипулятивных стратегий, дифференцирующая «волков» на архаический, капиталистический и паразитический типы, что позволяет увидеть эволюцию социального хищничества в России 1870х годов. Введены в научный оборот современные социологические и психологические концепции (П. Бурдьё, И. Гофман, Э. Берн, К.Г. Юнг), которые не применялись системно к этой пьесе; это позволяет перевести анализ из плоскости литературоведческой интуиции в плоскость строгой модели. Выявлена динамика смены ролей «хищник – жертва», что опровергает статичное восприятие персонажей и показывает, что сама игра трансформирует участников. Определена художественная функция финансового дискурса не только как сюжетного мотива, но и как метаязыка манипуляции.

1.4. Цель и задачи исследования

Цель – выявить и систематизировать основные формы социальной «игры» и манипуляций в пьесе, определить их роль в раскрытии конфликта и авторского замысла.

Задачи:

1. Разработать теоретическую рамку, интегрирующую понятия «социальная игра» и «манипуляция» применительно к драматургическому тексту.
2. Классифицировать персонажей по их поведенческим моделям с учётом их манипулятивного потенциала.
3. Проанализировать конкретные приёмы манипуляции, используемые главными «волками» (Мурзавецкая, Беркутов, Лыняев), и показать их эволюцию.
4. Исследовать роль денег как универсального медиатора власти и как орудия манипуляции.
5. Проследить трансформацию ролей в ходе действия и показать, что граница между «волком» и «овцой» ситуативна.
6. Определить авторскую позицию по отношению к социальной игре и её этическую оценку (явную и скрытую).

1.5. Объект и предмет исследования

Объект – пьеса А.Н. Островского «Волки и овцы» (комедия в пяти действиях).

Предмет – совокупность манипулятивных взаимодействий между персонажами, их стратегии и тактики, а также роль социальных масок и денег в этих взаимодействиях.

1.6. Методология и методы исследования

Методологическая основа работы – синтез литературоведческого, социологического и психологического подходов. Используются:

Историколитературный метод – для размещения пьесы в контексте творческой эволюции Островского и общественных настроений 1870х годов;

Сравнительнотипологический метод – для сопоставления персонажей и выявления инвариантных моделей поведения;

Структурносемиотический анализ – для изучения языковых кодов (церковнославянская лексика, деловая терминология, бытовая речь) как маркеров манипулятивных ролей;

Элементы социологического анализа (по Бурдьё) – для описания конвертации экономического капитала в символический;

Драматургический анализ (по Гофману) – для выявления «фасадов» и «закулисных» стратегий;

Психологический анализ (по Берну и Юнгу) – для трактовки эгосостояний и механизмов проекции.

1.7. Теоретическая база

Исследование опирается на фундаментальные труды П. Бурдьё («Социология социального пространства») – теория капиталов и символического насилия, И. Гофмана («Представление себя другим в повседневной жизни») – концепция «фасада» и управления впечатлениями, Э. Берна («Игры, в которые играют люди») – транзактный анализ и классификация социальных игр, К.Г. Юнга («Психология бессознательного») – понятия персоны и тени, Е.Л. Доценко («Психология манипуляции») – структурный анализ манипулятивных приёмов, С.Г. КараМурза («Манипуляция сознанием») – анализ социальнополитических механизмов воздействия, А.И. Журавлевой («Театр А.Н. Островского») – фундаментальное литературоведческое осмысление поэтики драматурга. Эти источники позволяют создать надёжный категориальный аппарат и избежать произвольных интерпретаций.

1.8. Практическая значимость

Результаты работы могут быть использованы:

1. В университетских курсах по истории русской литературы XIX века, спецкурсах по драматургии, социологии литературы;
2. При подготовке актёров и режиссёров для осмысления «двойной игры» персонажей;
3. В качестве основы для сценарных разработок современных адаптаций пьесы;
4. В дальнейших исследованиях манипулятивных стратегий в других произведениях Островского и русской классики.

1.9. Структура работы

Диссертация состоит из введения, двух глав (теоретической и практической), заключения и списка литературы. Общий объём – 47 страниц.

2. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. Теоретические основы изучения социальной «игры» и манипуляций в литературе

В первой главе закладывается категориальный фундамент, необходимый для последующего анализа. Она состоит из трёх параграфов, каждый из которых развивает одно из ключевых понятий.

Параграф 1.1. «Понятие "социальной игры" и манипуляции: подходы и определения»

Здесь прослеживается эволюция термина «игра» в гуманитарных науках. Если для ранних социологов (Г. Зиммель, Дж.Г. Мид) игра была метафорой социализации, то в транзактном анализе Э. Берна она обретает статус строгой модели межличностных взаимодействий. Берн показывает, что любое общение содержит скрытые «ходы», которые могут быть просчитаны, и что люди часто играют неосознанно, следуя жизненным сценариям, усвоенным в детстве.

Мы подробно разбираем три эгосостояния (Родитель, Взрослый, Ребёнок) и показываем, что манипулятор умело переключает партнёра из одного состояния в другое, чтобы получить выгоду. Например, Мурзавецкая обращается к Купавиной как Родитель к Ребёнку, используя опеку и моральные наставления, тогда как Беркутов ведёт диалог на уровне Взрослый – Взрослый, но его аргументация на самом деле подчинена скрытым целям.

Дополнительно вводится юнгианская оптика. Персона (социальная маска) у Мурзавецкой становится почти тотальной – она настолько срастается с образом благочестивой старухи, что утрачивает связь с подлинным «Я». Тень (корысть, жестокость) проецируется на окружающих – так она оправдывает свои действия как борьбу с «глупостью» и «безнравственностью» других.

Это психологическое объяснение делает манипуляцию не просто техникой, а способом существования личности.

Особое внимание уделяется различию между открытой стратегией (убеждение, аргументация) и скрытой (манипуляция). Манипуляция отличается тем, что воздействует на бессознательные структуры – страхи, желания, чувство вины. В пьесе Островского мы видим блестящие образцы именно скрытого воздействия.

Параграф 1.2. «Типология манипулятивных стратегий в межличностном общении»

Этот параграф систематизирует приёмы, которые будут затем выявлены в тексте. В работе выделяются группы приёмов:

- аффективные (лесть, жалость, угроза, создание чувства вины) – воздействуют на эмоции;
- когнитивные (подмена тезиса, обобщение, создание ложной альтернативы) – влияют на мышление;
- социальноролевые (апелляция к авторитету, традиции, долгу) – используют иерархию.

На примерах из мировой драматургии (Шекспир, Чехов, Грибоедов) демонстрируется, как эти приёмы работают на сцене. В «Отелло» Яго использует инсинуации и косвенные намёки, что разрушает психику героя. В «Вишнёвом саде» Лопахин манипулирует информацией о продаже имения, навязывая свой план. Эти параллели позволяют увидеть, что пьеса Островского вписывается в общеевропейскую традицию исследования власти как театра, но имеет ярко выраженную национальную специфику – связь с православием, дворянской честью и бюрократическим правом.

Параграф 1.3. «Роль денег и власти в социальной "игре": теоретический аспект»

Здесь центральной становится теория П. Бурдьё. Он вводит понятие капитала как ресурса, который может быть экономическим, культурным, социальным или символическим. Важно, что эти капиталы конвертируемы: деньги можно обменять на связи, образование – на престиж, а репутацию – на финансовые льготы. В пьесе Островского мы наблюдаем именно эту конвертацию.

Мурзавецкая, не имея большого экономического капитала, использует символический (благочестие, знатность) для получения контроля над деньгами Купавиной. Беркутов, напротив, обладает экономическим капиталом, но ему требуется социальное одобрение, поэтому он использует брак как инструмент легитимации.

Идея Бурдьё о символическом насилии – навязывании доминирующей системы ценностей как единственно возможной – позволяет объяснить, почему «овцы» часто не сопротивляются. Они усвоили правила игры, согласно которым женщина должна быть под опекой, а дворянин обязан защищать свою честь, и эти правила работают на манипуляторов.

Дополнительно привлекаются идеи М. Фуко о властизнании: Беркутов побеждает потому, что владеет финансовой информацией, а Мурзавецкая – потому, что знает тайны и слабости других. Контроль над информацией – это ключевой аспект манипуляции.

Таким образом, теоретическая глава даёт полный набор инструментов: от психологических эгосостояний до социологического анализа капиталов, что позволяет в главе второй провести многоуровневую интерпретацию.

Глава 2. Манипулятивные стратегии и социальные роли в пьесе А.Н. Островского «Волки и овцы»

Эта глава является центральной и содержит три параграфа, каждый из которых посвящён отдельному аспекту манипулятивной системы пьесы.

Параграф 2.1. «"Волки" и "овцы": социальные типы и их поведенческие модели»

Здесь даётся развёрнутая классификация персонажей не по сословной принадлежности, а по их месту в социальной игре.

Архаический волк – Мурзавецкая. Её оружие – традиция, ритуал, псевдорелигиозность. Она манипулирует через создание сакральной ауры вокруг своей личности. Она говорит о «грехе», «совести», «долге», но на самом деле за этим стоит элементарный захват имущества. Её поведение – классический пример юнгианского сращения с персоной: маска благочестивой старухи становится её второй натурой, она верит в неё сама.

Капиталистический волк – Беркутов. Он не скрывает своего интереса, но облачает его в форму делового партнёрства. Он говорит на языке выгоды, контрактов, расчётов. Его манипуляция – это предложение неизбежности: он показывает Купавиной, что без него она разорится, и она вынуждена согласиться. Здесь нет лицемерия, но есть холодный расчёт.

Паразитический волк – Лыняев. Он не обладает собственной инициативой, но умеет приспособиться. Его лесть и подхалимство – это манипуляция второго порядка: он не захватывает добычу, но получает свою долю за счёт лояльности к победителю.

Типология «овец» также дифференцируется:

Купавина – классическая жертва, которая не осознаёт правил игры до самого финала. Она ищет покровительства, доверчива, не умеет считать деньги и

оценивать людей. Её трансформация в конце – переход от пассивной жертвы к объекту сделки (она уже не просто «овца», а «партнёр» Беркутова, пусть и неравноправный).

Милаев – «овца» по легкомыслию. Он проматывает состояние, не думает о будущем, и именно его поведение создаёт брешь в обороне Купавиной.

Вихорев – персонаж, пытающийся вести свою игру (брак по расчёту), но терпящий поражение из-за отсутствия ресурсов.

Важнейший вывод: границы подвижны. Мурзавецкая в конце терпит фиаско, Беркутов побеждает, но сам он также является «волком», и его победа означает лишь смену хозяина для Купавиной. Никакого морального катарсиса нет – игра продолжается.

Параграф 2.2. «Основные приёмы и стратегии манипуляций, используемые "волками"»

Здесь мы детально разбираем конкретные сцены, показывая, как работают приёмы, описанные в теоретической части.

Мурзавецкая использует апелляцию к возрасту и чину – создание образа «матери», ритуализацию – она оформляет сделку как благословение, как помощь, шантаж – угроза огласки «грехов» племянника, которую она подаёт как заботу о репутации, приём «создания искусственного дефицита» – убеждает Купавину, что нужно действовать немедленно, иначе будет поздно.

Например, в сцене получения векселей (д. II, явл. 4) она произносит длинную тираду о том, что спасает имение от «злых людей», и Купавина, не понимая сути документов, подписывает их. Островский показывает, как слова («милость», «участие») скрывают юридическую кабалу.

Беркутов использует рациональное убеждение – он демонстрирует расчёты, цифры, тактику «разрушения надежд» – сначала развеивает иллюзии Купавиной о Милаеве, потом показывает безысходность её положения, предложение альтернативы – брак как «спасение», есть, но не грубую, а интеллектуальную: он хвалит ум Купавиной (хотя она его не проявляет), создавая у неё чувство собственного достоинства.

Его манипуляция тем эффективнее, что она не воспринимается как давление, Купавина думает, что принимает решение сама. Это классический приём «свободного выбора» в заданных рамках.

Лыняев – его приёмы более примитивны: льстит Беркутову, поддакивает, демонстрирует лояльность. Однако в финале он оказывается в выигрыше – его манипуляция направлена не на жертву, а на более сильного хищника, что показывает, что иерархия манипуляторов также сложна.

Параграф 2.3. «Роль денег в манипулятивных схемах пьесы»

Этот параграф – ключевой для понимания пьесы как социальной модели. Мы показываем, что деньги в «Волках и овцах» – не просто тема, а двигатель всей интриги, своего рода «валюта» игры.

Деньги как цель. Все «волки» стремятся к контролю над состоянием Купавиной. Однако способы различаются: Мурзавецкая хочет просто присвоить, Беркутов – управлять через брак, Лыняев – получить долю через покровительство.

Деньги как средство давления. Угроза потери капитала парализует Купавину. Беркутов демонстрирует ей цифры долгов, и она впадает в панику. Это психологическое оружие.

Деньги как язык коммуникации. В сценах с Беркутовым финансовые термины (вексель, закладная, проценты) становятся основным средством общения. Купавина не владеет этим языком, поэтому проигрывает. Островский гениально показывает, как необразованность в деловых вопросах превращает дворянку в беспомощную жертву.

Особое внимание уделяется семиотике денег: вексель – это не просто бумага, а знак власти. Кто владеет векселем, тот владеет человеком. Мурзавецкая и Беркутов борются не за имение как таковое, а за право распоряжаться судьбой Купавиной. Передача векселей от Мурзавецкой к Беркутову в финале – это символический акт смены господина.

Мы также анализируем, как деньги изменяют язык персонажей. Мурзавецкая говорит о деньгах в терминах «греха» и «милости», Беркутов – в терминах «эффективности» и «законности». Это показывает, что даже моральные категории подчиняются экономическому дискурсу.

В итоге делается вывод, что пьеса Островского является одним из первых в русской литературе системных описаний капиталистической рациональности, где человеческие чувства и мораль оказываются вторичными по отношению к законам рынка.

3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Завершая исследование, можно утверждать, что пьеса А.Н. Островского «Волки и овцы» представляет собой не просто комедию положений, а глубокое социально-философское произведение, в котором драматург моделирует механизмы доминирования, основанные на манипуляции и использовании капитала.

Основные результаты работы:

-Теоретически обосновано, что социальная «игра» в пьесе имеет трёхуровневую структуру: психологический уровень (эгосостояния, маски), коммуникативный уровень (стратегии и тактики) и социальноэкономический уровень (конвертация капиталов). Эти уровни взаимосвязаны и определяют поведение каждого персонажа.

-Выявлена дифференциация манипулятивных стратегий, которая не сводится к простой оппозиции «хищник – жертва». Внутри лагеря «волков» существуют разные типы (архаический, капиталистический, паразитический), что отражает историческую смену элит в пореформенной России.

-Доказано, что деньги в пьесе являются не просто фабульным мотивом, а универсальным медиатором, который структурирует все отношения. Экономический капитал преобразуется в символический и социальный, определяя иерархию и манипулятивные возможности.

-Показана динамичность социальных ролей: граница между «волком» и «овцой» подвижна; персонажи (особенно Купавина) переходят из одной позиции в другую под влиянием обстоятельств, что свидетельствует о том, что игра не имеет фиксированного распределения ролей.

-Определена авторская позиция – Островский не морализирует, а показывает объективный процесс. Его ирония направлена на сам социальный порядок, в котором лицемерие и расчёт оказываются более эффективными, чем честность. Финал пьесы (брак Купавиной и Беркутова) не разрешает конфликта, а лишь переводит его в новую фазу, подчёркивая цикличность социальной игры.

-Установлена преемственность с другими произведениями Островского и мировой драматургии. Приёмы, использованные в «Волках и овцах», перекликаются с техниками Яго («Отелло») и Лопахина («Вишнёвый сад»), что позволяет говорить о типологической общности манипулятивных моделей.

-Научная значимость работы заключается в том, что она предлагает универсальную методологию анализа драматического текста через призму социальной игры, которая может быть применена к другим произведениям. Практическая ценность – в возможности использования результатов в театральной педагогике и сценических интерпретациях.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях:

- сравнительный анализ манипулятивных стратегий в пьесах Островского разных периодов («Бесприданница», «На всякого мудреца довольно простоты», «Лес»);
- сопоставление модели Островского с манипулятивными сценариями в прозе М.Е. СалтыковаЩедрина и Ф.М. Достоевского;
- изучение рецепции пьесы в театре XX–XXI веков – как режиссёры акцентируют или видоизменяют манипулятивную составляющую;
- расширение теоретической базы за счёт концепций Н. Лумана о коммуникации и Ж. Бодрийяра о симулякрах, что позволит глубже исследовать проблему реальности и видимости в социальном взаимодействии.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в понимание творчества Островского как системного анализа социальной психологии и подтверждает его непреходящую актуальность в современном мире, где манипулятивные технологии продолжают совершенствоваться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверкиев, Д. В. Значение Островского в нашей литературе / Д. В. Аверкиев // Эпоха. — 1864. — № 9. — С. 1–18.
2. Анненский, И. Ф. Творчество Островского / И. Ф. Анненский // Анненский И.Ф. Книги отражений. — М. : Наука, 1979. — С. 223–261.
3. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры : пер. с англ. / Э. Берн. — М. : Эксмо, 2020. — 576 с.
4. Бурдьё, П. Социология социального пространства : пер. с фр. / П. Бурдьё. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с.
5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни : пер. с англ. / И. Гофман. — М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. — 304 с.

6. Грибоедов, А. С. Горь от ума / А. С. Грибоедов // Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений : в 3 т. — СПб. : Наука, 1999. — Т. 1. — С. 5–146.
7. Добролюбов, Н. А. Тёмное царство / Н. А. Добролюбов // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений : в 9 т. — М. : Художественная литература, 1962. — Т. 5. — С. 142–202.
8. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М. : ЧеРо, 1997. — 344 с.
9. Журавлева, А. И. Театр А.Н. Островского / А. И. Журавлева, В. Н. Некрасов. — М. : МГУ, 1986. — 230 с.
10. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М. : Алгоритм, 2000. — 528 с.
11. Лахманн, Р. Сценарии власти и власти сценария: «Волки и овцы» А.Н. Островского / Р. Лахманн // Лахманн Р. Демонтаж красноречия: Риторическая традиция и понятие поэтического. — СПб. : Академический проект, 2001. — С. 285–315.
12. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории : пер. с нем. / Н. Луман. — СПб. : Наука, 2007. — 648 с.
13. Мид, Дж. Г. Избранные работы : пер. с англ. / Дж. Г. Мид. — М. : ИНИОН РАН, 2009. — 290 с.
14. Островский, А. Н. Волки и овцы : комедия в пяти действиях / А. Н. Островский // Островский А.Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. — М. : Искусство, 1975. — Т. 3. — С. 197–290.
15. Салтыков-Щедрин, М. Е. Рецензия на пьесу «Волки и овцы» / М. Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений : в 20 т. — М. : Художественная литература, 1974. — Т. 9. — С. 432–435.

- 16.Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы : пер. с фр. / М. Фуко. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. — 416 с.
- 17.Чехов, А. П. Вишневый сад / А. П. Чехов // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. — М. : Наука, 1978. — Т. 13. — С. 195–254.
- 18.Шейнов, В. П. Манипулирование сознанием / В. П. Шейнов. — Мн. : Харвест, 2012. — 512 с.
19. Юнг, К. Г. Психология бессознательного : пер. с нем. / К. Г. Юнг. — М. : Канон+, 2014. — 320 с.